

ГЛЕБ ВЛАДИМИРОВИЧ ДЕРЮЖИНСКИЙ

5586 стр 4

Я сижу на длинном узком синем диване и не отрываясь смотрю на стоящее у противоположной стены светлого дерева пианино. Его крышка закрыта, а раньше... Раньше, когда приходила я в гости к Дерюжинским, крышка эта всегда была открыта, стояли ноты, и Глеб Владимирович, пока жена его готовила ужин, садился на невысокий стул и начинал играть... А играл он великолепно, и какие трудные этюды Шопена! Теперь пианино молчит, а человек, тонкие и гибкие пальцы которого так быстро, так хорошо бегали по клавишам, ушел от нас навсегда... Но после него, как проникновенно сказал отец Александр Киселев на панихиде, «осталась красота»...

И повсюду в комнате — красота. Над пианино висит небольшой барельеф из терракоты, чуть розового цвета. На нем изображен играющий Лист. И куда ни помотришь, всюду скульптуры, большие и маленькие, бюсты, барельефы, святые и Мадонны... Эта комната была мастерской Дерюжинского.

В глубине окна стоял его теперь покрытый полотном станок. Глеб Владимирович всегда работал. Часами можно было любоваться его мастерством. Иногда он лепил, иногда резал по дереву или вытачивал деревянные скульптуры. Все наверное знают его большого деревянного Архангела Михаила, что стоит в Св. Серафимовской церкви. Это, пожалуй, одна из его лучших вещей. Не говорю о мастерстве резчика, — оно всем известно, — а о проникновенном лице Архангела, взлете крыльев, грациозно ниспадающих складках одеяния...

Вся комната заставлена его работами. Вот там небольшой бронзовый бюст президента Теодора Рузвельта (это не оригинал, а копия; оригинал же, так же как и бюст президента Франклина Рузвельта, стяжали ему славу среди широкой публики), рядом с ним глубоко пропитанная религиозным чувством группа «Рождества Христова». Рядом с ней сравнительно большая — сантиметров 40 вышины — Богородица, склонившаяся над Младенцем. Как проникновенно ее лицо, полное красоты и задумчивости, словно Она предвидит судьбу Сына Своего. Позади них, на отдельной полке — гипсовый, чуть рыжеватый бюст Аристотеля... А у пианино, на полочке, в стеклянном ящике — небольшая терракотовая скульптура сидящей нагой женщины. Как умел Глеб Владимирович передать женское тело! Не налюбоваться изящными изгибами рук, поворотом шеи, гибким торсом. В них нет ни тени пошлости, лишь красота, красота! Недаром Глеб Владимирович так любил Родена.

А на той стене большой горельеф «Благовещение», сделанный в чуть абстрагированной манере. Может, это влияние Мештровича, которого он тоже очень ценил и уважал?

В соседней комнате висит небольшой барельеф — портрет Пастернака (на нем, сзади — № 1; № 2 — у меня в Затишье). Их было сделано всего двадцать. И это очень удачный портрет писателя.

Рассказать обо всех произведениях, что плачут по своему творце в квартире Глеба Владимировича, сложно, но, может быть, еще сложнее будет составить полный перечень всех его произведений от барельефов Шествия на Голгофу в Балтиморском соборе до Обелиска, стоящего на площади в Бедфорд Вилледж (Вестчестер)... Нет, кажется, религиозного сюжета, которого бы он не изобразил, мало легенд и мифов осталось им не воплощенными.

Но Глеб Владимирович был не только большим скульптором и вдохновенным музыкантом, но очаровательным человеком и прекрасным рассказчиком. Чего только он ни видал в своей долгой жизни: от петербургского детства до многих лет работы и творчества в США. Сколько людей он только ни встречал! Как хорошо он о них рассказывал, как вспоминал друзей молодости: например, князя Юсупова (дело Распутина), который несколько лет назад посетил его вот в этом самом ателье, сидел на синем диване...

Но почему, почему он ничего не записал?

Телефон возвращает меня к действительности. Звонит из Вашингтона писатель Э. Хантер, который знал жену скульптора еще в Шанхае...

«Что он тебе сказал, Наташа?».

«Он мне велел писать теперь».

«Ну, конечно, ведь ты и писательница и поэтесса (Наталья Резникова), продолжай творить, обязательно напиши то, о чем рассказывал Глеб Владимирович...».

В ателье тихо, тихо. Сурово, ласково, задумчиво смотрят на нас скульптуры Дерюжинского. И они будут ему вечной памятью...

Вера Коварская